

13. Бондарко, Л.В., Павлова, Л.П. О фонетических критериях при определении слоговой границы // Русский язык за рубежом. – 1967. – № 4. – С. 11 – 19.
14. Проблемы и методы экспериментально-фонетического анализа речи / Л.Р. Зиндер, Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая и др. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. – 150 с.
15. Штерн, А.С. Лингвистические факторы в восприятии речи // Слух и речь в норме и патологии. – Л.: Ленингр. восстановительный центр ВОГ, 1980. – С. 10 – 16.
16. Любимова, Н.А. Фонетический аспект общения на неродном языке. – Л.: Наука, 1988. – 90 с.
17. Метлюк, А.А. Взаимодействие просодических систем в речи билингва. – Мн.: Высшая школа, 1986. – 109 с.
18. Jacquemin, D. Le français parlé par un Potugais // Bulletin de l'Institut de Phonétique de Grenoble. – 1975. – V. 4. – P. 117 – 150.
19. Сусов, И.П. История науки о языке: Учеб. для студентов старших курсов и аспирантов. – Тверь: ТГУ – Золотая буква, 2003. – 315 с.

В.С. Истомин (Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы)

ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В 1995 г. Бельгийское лингвистическое общество организовало конференцию, посвященную дисциплине «политическая лингвистика», предметом которой становится анализ совокупности взаимодействия языка и политики. Истоками политической лингвистики можно считать идеи Ю. Хабермаса, концепции Грамши, труды М. Сильверстейна. Отправной точкой в становлении этой междисциплинарной науки является мысль о взаимопроникновении социальных аспектов языка и языка политики, которые отдельно не охватывают ни лингвистика, ни политическая наука. С конца XX века политическая коммуникация стала предметом повышенного интереса как российских, так и зарубежных специалистов. Среди российских лингвистов изучением политического языка занимались И.В. Карцевский, Е.Д. Поливанов, В.В. Одинцов, В.Г. Костомаров, Г.Я. Солганик, П.Н. Денисов, А.Н. Кожин, Г.Г. Почепцов и др. О том, что политическая лингвистика стала самостоятельным направлением лингвистических исследований свидетельствуют работы А.Н. Баранова, О.Е. Ермакова, О.С. Иссерс, В.И. Карасика, Ю.Н. Караулова, П.Б. Паршина, А.П. Чудинова, Е.И. Шейгал. Направления исследований в области политической лингвистики многочисленны, начиная от описания отдельных единиц политического языка вплоть до анализа политических жанров, стилей, идиостилей, дискурсивного описания коммуникативных стратегий и тактик и сопоставительное исследование политических дискурсов разных стран.

Одним из объектов политической лингвистики является политический дискурс. Термин дискурс происходит от латинского слова *discursus* и означает беседа, рассуждение. А.Г. Гардинер определяет дискурс, как «использование артикулируемых звуковых знаков для передачи желаний говорящих, их мнений о вещах» [6, с. 285]. Для Э. Бенвениста дискурс – это язык, «присваиваемый говорящим субъектом, и только он в условиях интересубъективности может обеспечить коммуникацию» [5, с. 266]. В дальнейшем дискурс стал пониматься как «сложное коммуникативное явление, не только включающее акт создания определенного текста, но и отражающее зависимость речевого произведения от значительного количества экстралингвистических факторов – знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего» [7, с. 14]. Широкое использование термина «дискурс» становится еще одним свидетельством изменения подхода к языку и речевой деятельности. В работе под дискурсом понимается речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и в механизмах их сознания [2, с. 137].

С семиотической точки зрения речь представляет собой комплекс из трех взаимозависимых элементов: мысли, знаний и знаков. Мысль можно представить в виде некоей деятельности, для совершения которой используются знаки – элементы языковой системы. Знания, в свою очередь, являются потенциалом для совершения действия [3, с. 68]. Слово, как знак, обладает некоторыми значениями, которые сформированы до того, как производится речь, и имеет определенные характеристики, зависящие от накопленных знаний говорящих. Эти знания, вербализованные и представленные в виде операций, служат строительным материалом для дискурса (речи), который может быть охарактеризован такими качествами, как открытость, жесткость организации, хотя и обладающей достаточной гибкостью, что и позволяет сравнить его с живым организмом [4, с. 126].

В процессе создания дискурса говорящий субъект совершает дискурсивные операции, представляющие собой в некотором роде вербализованные презентации определенных знаний, и именно они служат строительным материалом дискурса. Дискурсивные операции позволяют выделить уровни объектов и предикатов, суждений, высказываний и фигур, составляющих четыре уровня схематической презентации, которая характеризуется открытостью системы и уровневой организацией. Любой дискурс

редко, а может быть и никогда полностью не завершен и его можно продолжать вплоть до бесконечности. Презентация его происходит всегда в контексте, то есть в условиях производства речи, основным условием которой является присутствие говорящего и адресата, испытывающего на себе определенное воздействие автора дискурса, обладающего некоторыми аргументативными составляющими. Аргументативная же стратегия говорящего состоит в том, чтобы свести к одному все возможные ответы собеседника.

Речь, конкретизированная в определенной ситуации общения и человеческого существования, может быть ранжирована в современном социуме в виде некоторых регистров общения: деловой, научный, педагогический, политический и т.д. Общепринятого определения политического дискурса до сих пор не выработано. Есть широкое и узкое его понимание. По мнению А.Н. Баранова ПД – это совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации [1. с. 246]. Т. Ван Дейк, голландский лингвист, считает, что ПД – это виды жанров, ограниченные политической сферой [8]. Под политическим дискурсом нами понимается совокупность текстов, актуализирующих речевую практику, и используемых в коммуникации в сфере общественно-политической деятельности. Основная цель политического дискурса состоит в формировании определенного мнения членов общества путем воздействия на их сознание и поведение.

Предметом анализа в работе является предвыборная речь Николя Саркози, претендента на пост президента Французской республики в 2007 году, выступившего 14 января 2007 г. на общенациональном съезде партии «Союз за народное движение» [9]. Ораторская речь Саркози представляет собой форму монолога, в котором он обращается к своим соратникам и тем самым пытается воздействовать на аудиторию, вынуждая ее сопереживать и взаимодействовать, вовлекая слушателей в процесс творческого восприятия речи. Для этого в монологе используются определенные средства, с помощью которых Саркози, устанавливает контакт с аудиторией, и которые можно разделить на два типа: **авторизации** (авторское «я») и **адресации** (ориентация на слушателя).

В речи любого политика присутствуют определенные слова, представляющие его в «концентрированном виде». Саркози не является исключением. Им выбраны ключевые слова, священные для каждого француза, впитанные им с молоком матери: République, Liberté, Egalité, Fraternité, Révolution, Démocratie, Humanité, Loi, Droits de l'homme, vérité, justice, fierté d'être français, l'honneur de la France, patriotisme. Это те слова, которые апеллируют к гордости, величию души, доброте, являются ценностными словами-символами и имеют для аудитории морально-нравственную ценность. Кроме того, они, в силу своей насыщенности, вызывают эмоциональную реакцию, необходимую оратору. В его речи появляются такие ключевые слова, которые вызваны к жизни веянием времени: tolérance, mondialisation, chômage. В некоторые из символических слов Саркози вкладывается и новый смысл, который он хочет донести до французов: Ma France, Ma République.

Ораторская речь Н. Саркози отличается широким спектром риторических средств для активизации эффекта внушения и эмоционального «вовлечения» аудитории в происходящий процесс. Используемые в исследуемом политическом дискурсе риторические средства можно разделить на две группы согласно частоте употребительности и роли, которую они играют в воздействии на сознание аудитории.

Широко используются в речи оратора речевые повторы (контактные и анафорические): Dans ce moment que chacun devine si important pour la France, si important pour l'avenir d chacune de vos familles, si important pour moi, plus que n'importe quel autre sentiment, ce qui m'étreint surtout c'est une émotion profonde.

Cette émotion, j'aurais pu essayer de la qualifier, j'aurais pu l'exprimer dans un mot, j'aurais pu vous dire merci mais ce merci n'aurait pas été à la hauteur de ce que j'éprouve en cet instant.

Повторение слов на протяжении определенного отрезка речи позволяют оратору повысить общую экспрессию речи, акцентировать определенные элементы, в частности, искренность, преданность французскому народу.

С помощью повтора оратор достигает и выражения главной идеи всего выступления, цели, к которой он стремится:

Je veux être le Président de tous ces Français qui pensent que l'assistantat est dégradant pour la personne humaine.

Je veux être le Président qui va remettre la morale au coeur de la politique

что создает прочную основу восприятия, способствует четкой аргументации мысли. Многократное повторение оказывает гипнотическое действие на сознание, и помня об этом, Саркози умело пользуется этим приемом.

С помощью параллельных конструкций достигается задача усиления отдельных содержательных элементов речи, создания особого ритмического рисунка речи, придающего ей характер декламации, что усиливает воздействие на аудиторию:

La démocratie irréprochable c'est celle où il n'est pas nécessaire de voter pour les extrêmes pour se faire entendre. Celle où il n'est pas nécessaire de descendre dans le rue pour crier son désespoir. Celle où chacun reconnaît dans la politique de son pays une part de lui-même.

Le but de la République c'est d'arracher du coeur de chacun le sentiment de l'injustice. Le but de la République c'est que les chances de réussite soient égales pour tous.

С помощью повтора оратор достигает и выражения главной идеи всего выступления, цели, к которой он стремится:

Je veux être le Président de tous ces Français qui pensent que l'assistanat est dégradant pour la personne humaine.

Je veux être le Président qui va remettre la morale au coeur de la politique
что создает прочную основу восприятия, способствует четкой аргументации мысли. Многократное повторение оказывает гипнотическое действие на сознание, и, помня об этом, Саркози умело пользуется этим приемом.

C'est refuser de voir dans le conradicteur un ennemi mais un citoyen dont on doit entendre les arguments.

Au peuple de notre ancien empire nous devons offrir non l'expiation mais la fraternité. Такой прием создает контраст между двумя вариантами, и оратор предлагает сделать выбор. Но на самом деле выбора нет, есть только один вариант, хотя и ненавязываемый, на первый взгляд, слушающему:

Je ne veux pas de la société du minimum parce qu'avec le minimum on ne vit pas. On survit. Je veux une société du maximum.

Il faut aimer le travail et pas le détester.

Синтаксис дискурса Саркози организован также своеобразно: в нем преобладают сложные предложения со всеми видами связи (сочинительной и подчинительной, соположение): La démocratie irréprochable ce n'est pas celle où l'enfant d'un de ces quartiers dans lesquels s'accumulent toutes les difficultés qui regarde la télévision trouve qu'aucun homme politique ne lui ressemble; Je le sais aujourd'hui, je n'ai pas le droit de vous décevoir, pas le droit d'hésiter, tout simplement pas le droit d'échouer .

Другой распространенный стилистический прием – антитеза – позволяет оратору повысить эмоциональное воздействие на аудиторию и тоже является элементом словесной игры: Son **dernier** grand combat politique fut pour moi **le premier**; Car le **courage** c'est de surmonter sa **peur**.

Риторический вопрос, не требуя ответа, формирует психологическую установку, желаемую реакцию слушающих. Он привлекает внимание аудитории к определенной мысли и выполняет роль эмоционального восклицания: Comment penser que l'on pourra un jour faire aimer ce que l'on aura appris à détester? Pourquoi la gauche n'entend-elle plus la voix de Jaurès?

Чтобы напомнить о том, что он вышел из народа, что у него, как и у всех, есть слабости, были провалы, кандидат от СНД заявляет, что «j'ai changé parce qu'on change forcément quand on est confronté à l'angoisse de l'ouvrier qui a peur que son usine ferme», «si on n'a pas souffert soi-même, on ne peut pas partager la souffrance de celui qui connaît un échec professionnel ou une déchirure personnelle. J'ai connu l'échec, et j'ai dû le surmonter», тем самым как бы говоря, что я такой же как вы, вы должны доверять мне. Саркози хочет объединить все силы французского населения, и даже крайне правых, когда говорит «Ma France, c'est celle des Français qui votent pour les extrêmes... Je veux leur tendre la main», «Ma France, c'est celle des travailleurs qui ont cru à la gauche de Jaurès et de Blum...», «Ma France, c'est celle de tous ces Français qui ne savent pas très bien au fond s'ils sont de droite, de gauche ou du centre...»

Таким образом, можно утверждать, что речь Н. Саркози, рассмотренная в рамках дискурсивного направления анализа политической коммуникации, имеет определенный идиостиль, она направлена на достижение определенной цели: создание имиджа претендента на пост президента Франции. В ней умело используются приемы самопрезентации, в основе которых лежат языковые средства, позволяющие убедить аудиторию голосовать именно за этого кандидата, который став президентом, может сделать жизнь своих граждан лучше.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику / А.Н. Баранов. – М., 2001.
2. Кара-Мурза, С. Манипуляция сознанием / С. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм. – 2000. – С. 137 .
3. Мэрфи, Р. Технологии избирательных кампаний в США / Р. Мэрфи // Политические исследования, 1991. № 3. Грачев, Г.В., Мельник, И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технология / Г.В. Грачев, И.К. Мельник. – М.: ИФ РАН, 1999.
4. Поршнева, Б.Ф. Социальная психология и история / Б.Ф. Поршнева. – М., 1979. С. 126.
5. Benveniste, E. Problèmes de linguistique générale / E. Benveniste. – Paris: Gallimard, 1966.
6. Gardiner, A.H. Langage et acte de langage. Aux sources de la pragmatique / A.H. Gardiner. – Presse universitaires de Lille, 1989.

7. Jakobson, R. *Essais de linguistique générale* / R. Jakobson. – Paris: Minuit, 1963. P. 14.
8. Van Dijk, T.A. *What is political discourse. Political linguistics* / T.A. Van Dijk // Ed. Jan Blommaert, Chris Bulcaen. – Amsterdam, 1998.
9. Sarkozy, N. *Discours au Congrès de l'Union pour le mouvement populaire (UMP) le 14.01.07* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.électionsprésidentielles.com>. – Дата доступа: 14.01.2007.

Н.В. Фурашова (Минск, МГЛУ)

КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА И ИСТОРИЯ СЛОВА

Лингвистика, накопив в ходе многолетней истории развития богатейший материал о становлении и развитии языка, о его системно-структурном устройстве и т.д., оказалась в настоящее время, по выражению У. Чейфа, «в неудобной позиции, так как из всех разделов науки о языке, которые она изучила, она меньше всего узнала о семантике» (цит. по [8, с. 7]). Поэтому интерес исследователей к содержательной стороне языка в последнее время – в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы – постоянно растет. По мнению В.Н. Топорова, можно даже сказать, что «наступает время, когда семантика все более приближается к острию стрелы развития гуманитарных наук и разгадке той тайны человека, которая отделяет его от других живых существ» [22, с. 7]. Не случайно, что когнитивная лингвистика и зародилась именно как когнитивная семантика.

Определяя новое понимание роли языка и лингвистики в комплексе отраслей знания, входящих в «зонтиковую» когнитивную науку, Е.С. Кубрякова пишет, что лингвисты, с одной стороны, хотят «ввести в КН (когнитивную науку) «больше лингвистики», ... но с другой, и больше сведений, полученных за пределами лингвистики, ввести в саму лингвистику и показать преимущества такого расширительного взгляда на вещи для интерпретации чисто языковых форм» [14, с. 48]. Основными постулатами когнитивной лингвистики, определяющими подход к исследованию семантики, являются экспланаторность, экспансионизм, антропоцентризм и функционализм [13].

Семантика языковых единиц, анализируемая исследователем сквозь призму указанных постулатов, и может быть определена как когнитивная. В лингвистической литературе она трактуется как «эксплицитная, эмпирически заземленная субъективистская, или концептуалистская теория значения» [11, с. 73], как «наука о теории категоризации, а значит, и не вполне «укладывающаяся» в традиционную область собственно лингвистики и требующая междисциплинарного подхода» [14, с. 306]. Скорее всего, говорить следует о когнитивном **подходе** к исследованию языковой семантики.

Когнитивный подход к явлениям языка заключается в понимании их «как источника сведений о концептуальных или когнитивных структурах нашего сознания и интеллекта» [14, с. 57], ср. также: «семантическая проблематика языка погружается в проблематику анализа концептуальных систем и их взаимоотношений друг с другом и с объективной действительностью» [16, с. 5]; «первостепенный и наиболее существенный предмет лингвистики составляет именно концептуализация» [3, с. 47–48]; «структура языка зависит от «концептуализации», которая, в свою очередь, является результатом постижения человеком себя в окружающем пространстве бытия, а также выработки человеком отношений к этому внешнему миру» [5, с. 5]; целью лингвистики провозглашается «более глубокое проникновение в семантические концепты, выражаемые языковыми знаками» [21, с. 739]; «семантика языковых единиц описывается в терминах, характеризующих именно мышление» [12, с. 84].

Из приведенных цитат следует, что когнитивная семантика – это «новая концептуальная схема анализа, новая модель постановки и решения исследовательских задач в лингвистике» [2, с. 67]. Р.И. Павленис подчеркивает в этой связи, что «существенным методологическим следствием такой переориентации семантических интересов является включение собственно семантической проблематики в проблематику теоретико-познавательного и онтологического плана» [17, с. 6].

Следует отметить, что такая постановка вопроса раньше не была возможной в силу ряда объективных причин, но она была подготовлена предшествующими парадигмами лингвистического знания. Так В.В. Петров отмечает, что «в предшествующий период – 60–70-е годы – в зарубежной философии языка преобладала та точка зрения, в соответствии с которой природу языка можно уяснить, изучая все, кроме сознания индивида, сферы ментального. Сейчас этот запрет снят. ... Сейчас общепринятым становится подход, считающий, что успешное моделирование языка возможно только в более широком контексте моделирования сознания» [19, с. 12]. Автор имеет в виду зарубежную теорию языка, ведь и когнитивная лингвистика зародилась, как известно, за рубежом. Что касается советского языкознания, то сегодня признается, что ономазиологическое направление можно рассматривать как раннюю версию когнитивизма. И все же «экспансия» структурной лингвистики с ее подходом к языку и методами анализа чувствовалась и у нас.